

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ И МАТЕРИАЛОВ

Вводная статья и публикация источника — М. М. Громыко

Посещение императором Александром I Новгородского Юрьева монастыря в 1825 г.

Настоятель Новгородского Юрьева монастыря Архимандрит Фотий (Спасский)¹ вел многолетнюю регулярную переписку со своей духовной дочерью графиней А. А. Орловой-Чесменской. В письме к ней от 6 июля 1825 г. архимандрит Фотий кратко сообщил о посещении императором обители накануне, 5 июля, а в следующем послании дал более обстоятельное описание пребывания Александра I в монастыре.

Эти два письма, публикуемые впервые, входят в состав рукописной книги в сафьяновом переплете с золотым тиснением, имеющей название: «Послания священно-архимандрита Фотия к духовной дочери, девице Анне, графине Орловой-Чесменской за 1824 и 1825 год»². (Так оформлены и послания за некоторые другие годы.) Книга содержит 58 посланий. Из них 17 относятся к 1824 г., а 41 — к 1825 г.

Письма архимандрита Фотия к графине Анне Алексеевне выявлены нами в нескольких фондах двух хранилищ: в фонде Юрьева-Новгородского монастыря в РГАДА (к этому собранию принадлежат публикуемые здесь письма); в фондах Орловых-Давыдовых (ф. 219), Фотия (Спасского) (ф. 758) и Оптиной Введенской пустыни (ф. 214) Рукописного Отдела РГБ. Переписка отложилась в архивах как в автографах, так и в писарских копиях, просмотренных архимандритом.

Эпистолярное наследие настоятеля заслуживает внимания исследователей, т. к. содержит информацию по широкому кругу вопросов истории

самого монастыря, а также религиозной и общественно-политической жизни страны в целом.

Публикуемое письмо от 6 июля 1825 г. с описанием посещения императором монастыря представляет самостоятельный интерес как исторический источник: оно посвящено конкретному событию, в связи с которым прямо сообщаются или косвенно выступают из текста данные о духовном состоянии Александра I, взаимоотношениях его с арх. Фотием и графом Аракчеевым, некоторых особенностях литургического служения и монастырских традиций первой трети XIX в. и другие сведения.

Особую значимость придает документу дата его возникновения — год активизации деятельности тайных обществ (с открытым взрывом в декабре 1825 г.), год завершения правления императора. Обращает на себя внимание налёт секретности в тексте письма («тайная побеседовав», «всего писать я не могу, а иное — нельзя»). После духовного подъема, радости, переживаемых автором письма и высоким посетителем, кажется неожиданной фраза в конце послания: «Ах! Ужели Солнце наше Царь вскоре от нас сокroется и будет время скучное без Его к нам любви». Что это? Прозорливость или осведомленность о намерениях императора? Сноска к этой фразе явно приписана позднее. Дата следующего за публикуемым письмом (№ 47) — 25 июля 1825 г.

Архимандрит Фотий нередко писал о себе в третьем лице. Это мы видим и в посланиях № 45 и

¹ Об архимандрите Фотии и его взаимоотношениях с Государем см. статью «Мог ли император Александр I стать праведным старцем Федором Кузьмичем?» в данном номере журнала. Там же — библиография.

² Российский Государственный Архив Древних Актов (РГАДА). Ф. 1208. Юрьев-Новгородский монастырь. Оп. 3. Ед. хр. 48. Публикуемые письма — Л. 78—86. См. также список этих писем в составе сшитой тетради под названием «Послания арх. Фотия А. А. Орловой-Чесменской с февраля 1825 по декабрь 1825» — Рукописный Отдел Российской Государственной библиотеки (РО РГБ). Ф. 219. Орловы-Давыдовы. Картон 130. Ед. хр. 2. Л. 24 об. — 29. В этом списке была проведена кем-то мелкая правка карандашом, которая учтена переписчиком в публикуемом нами тексте.

№ 46. Письма публикуются с минимальным осовремениванием правописания. Все подчеркивания принадлежат автору писем. Абзацы соответствуют оригиналу.

Послание 45 **О бытии Царя в Обители.**

5-го числа июля был Царь Александр в Юрьеве в 4-м часу утра, рано к ранней обедне приехал. Никто не знал; а я с вечера знал. Сам Фотий служил с братиею. Обедня была 2 часа. Более часу сидел у Фотия и нечто мало пил: было все во благо; яко Ангел Царь был. Да будет все Царю на пользу и от Него многим.

*1825 года
июля 6 дня*

Послание 46

Како Царь Александр был по рану в Юрьеве, слушал Обедню, был доволен и провождаем был с благословением в путь свой от Настоятеля с братиею.

Радуйся, чадо! Мы все радуемся и Бога благодарим, что Он сподобил нас Царева посещения в 5-й день июля.

И вот как случилось:

Ты мне писала, что Бог услышит молитву и прорекала, что будет Царь.

Я тебе верил.

Молитва твоя услышана, проречение сбылось, желание исполнилось. Царь был в обители, литургию слушал, а Фотий служил. Послушай, как и что случилось: Граф Аракчеев по воле Государя прислал 4 числа в 10-м часу вечера, во всенощное бдение, письмо, что завтра, т. е. 5 числа, в 4 часа по утру приедет Государь император в Юрьев, желает слушать раннюю литургию, и запрещено объявлять о сем, дабы никто не знал. Я отвечал, что рад Царя видеть, сам буду служить Литургию, и что никто знать не будет даже в Монастыре до утра. С сим письмом отправился пароход. После всенощного бдения, в 10 часов, я объявил тайно наместнику быть на страже, дабы Царь на постели не застал спящих в монастыре, объявил волю ему цареву и к чему нужно готовиться. В 11 часов все ворота ночью замкнуты были, ключи у стражей были отобраны, дабы никто не вышел ночью и не разгласил, что Царь будет. Казначеем сказано, что Царь будет в 4-м часу утра, он должен быть на карауле со стражами. Монахи же все спали крепко и не знали, что в полунощи у них деется. В 12-м часу нощи дано знать ризничьему, что

Царь будет к Литургии в 4-м часу. Слух прошел по обители, все начали готовиться. Пономари в Церковь сбежались, начали Церковь устилать коврами, все прибирать, ризницу готовить; разбудили служащих иеромонахов, дабы они, не дожидаясь утра, готовились в два часа к Литургии: все удивились и изумились, что такое будет.

Все в Церкви готово было в 12 часов нощи. От Церкви Спасской было красное сукно постлано по крыльцам, по каменной дороге к холодному собору; по дороге к пристани везде было усыпано песком; прекрасно весь Монастырь и стены успел я приказать выбелить, отделать прекрасно даже полисады, и всё как снег было чисто. В 1-м часу наместник сонных прочих монахов будит и говорит: Царь грядет в монастырь; в 3-м часу утра собирайтесь все в Церковь. Все начали готовиться, удивляясь нечаянности; у нас точно было, как на Св. Пасху, — в Монастыре всё в движении. Я же в 1-м часу лёг отдохнуть, в 2 часа разбудили меня, я встал, пошел в Церковь и видел, что все добре приуготовлено, Церковь коврами устлана, сукно красное по дороге разостлано, вид представляет рано по утру дивный и важный. Совершил свои молитвы и правило к служению. В 3 часа пришли все в Церковь, я сам пришел, облачился и был готов со всею братиею сретить Царя. Паникадила были возжены все и лампы, риза красная на мне была Спасова со звездами, а на братии крестовая красная. В 4-м часу по заре видно было, что пароход нагревается и дым идет; в 4 часа с минутами пароход с места поехал к Юрьву, и видно было в подзорную трубу даже в лице, как Царь сел на пароход. Служители монастырские, в деревне никто не знает ничего, токмо одни стражи; пристань была отделана, дорога до ворот досками устлана была. Начал противу Городища, когда за полуверсты быть пароход до Монастыря, в малой колокол начали звонить к ранней Литургии, и я с четырьмя Дияконами вышел, стал на дороге, где красное сукно было постлано, против Собора св. Георгия и Спасова; а к воротам я не пошел сретить: делал все, дабы смиренно и тайно было по нраву Цареву. Я был с крестом в руках, два Диякона с кадилами и два с трикириями. Лишь Государь с Графом из-за угла ризницы вышел, вдруг нечаянно видит меня стояща в облачении со крестом, проворно главу открыл, крестился издали. Подходит ко мне пресмиренно, как Божий Ангел, я в сажнях в 3-х от себя Крестом его оградил, а как пришел близь, всеусердно поцеловал Он Крест Св. и мою руку. Я же Его потом благословил рукою и Он опять поцеловал руку. По сем в тишости пошли мы в Церковь. Лишь я вступил в Церковь, а Царь был позади меня, на правом клиросе строй-

но и громко был воспет тропарь Св. Георгию: яко пленных свободитель и нищих защититель, немощствующих врач, Царей поборник, Св. великомучениче Георгие и проч. Я вошел в алтарь Святей, Царь стал близ правого клироса, где решетка, и монахи на средину выходят; Иеродиакон Евстафий тотчас возгласил: благослови Владыко, я начал Божественную Литургию в 5-ом часу; точно так служба продолжалась, как в мое служение ты слыхала, была пета Блаженна, Помяни мя Господи во Царствии Твоем и проч. На нотах все было пето скромно, тихо, нескоро, согласно. Служил я с двумя Иеромонахами и 4-мя иеродиаконами. Во время службы воистинну я видел лице Царя яко Ангела Божия, и благодать Божия была на лице Его. Видно было, что Ему как на небесех было весело, добро зело во время служения. По заамвонной молитве я Царю просфору дал и Графу другую, Его верному слуге.

Лишь кончилась литургия пето было: под Твою милость прибегаем, Богородице, и проч. Я начал разоблачаться, Царь подошел к Спасителеву образу, два земных поклона положил, взошед по ступеням, поцеловал образ Спаса и книжку на образе, где слова Пречистому Твоему образу поклоняемся, Благий и проч. Потом к Божией Матери два поклона земных, взошел по ступеням, поцеловал образ Божией Матери и книжку. Я вышел, разоблачившись, в мандии, на амвоне снял оную, и ко мне подошел Царь, принял благословение, весь исполнен радости, веселия и утешения, и сказал: Отец Фотий! Я хочу посетить тебя в келиях. Я тотчас с Ним пошел. Граф остался в Церкви с братиею. Он сел на мягкое кресло и начал говорить: во всю Мою жизнь в другом токмо монастыре такое удовольствие Я в сердце ощущаю: точно я был в доме Бога Небесного и пред Ним стоял. Не могу пересказать всей моей радости. Какое согласное приятное Св. пение в Церкви. Как служение Божественной Литургии Мне по сердцу и сладостно, было видеть и слышать. Украшение Церкви Меня крайне радует. Я люблю, что Церковь — Св. дом Бога прилично и достойно украшена; вот образец, как нужно стараться об украшении Св. Церкви. Всё что, я видел, не чаял видеть, и благода[рю] Бога, что Он меня удостоил быть здесь и помолиться. Я же Его спросил, глаголя: не длинно ли пение наше? Он сказал: Мне скоро весьма показалось. Я в радости желал бы более стоять, так Мне приятно. Я же Ему сказал: пение в церкви у нас есть столповое, старинное, Церковное, коренное, Священное, Божией службе единственно приличное. Многие Он хвалил и благодарил меня за все, что заведено. Сего-то чина доброго Я желаю всем, люблю, как всё оно полезно и хоро-

шо. Все говорил в большой радости; такие милостивые слова Царские говорил мне грешному смердящему, то благое все, что я в мысли и в сердце тайно к Богу говорил: Господи! Ты веси, что я пес смрадный, и так милостив Ты ко мне в лице Помазанника Своего, но буди воля Твоя Святая! Вчера, т. е. 4 числа, говорил Царь так: «погода была, ветер велик, нас с Графом слишком перемочило до тела. Мы перезябли. Сего дня (т. е. 5 числа) Я встал в 2 часа, помолился Богу за Себя и за тебя, О. Фотий; ибо люблю тебя и молюсь за тебя, дабы ты за меня молился всегда непрестанно. Посмотрел в окно, ветер и погода очень не хороша, но сухо. Не хотел рано ехать и беспокоить Монастырь; а в 4 часа поехал, лишь противу Монастыря Юрьева, противу первой Церкви поравнялся паракход, Солнце вдруг возсияло преесно из облаков; пока шел к Монастырю, солнце сияло: стоял в Церкви, сперва солнце несколько сияло неясно, а с Херувимской песни прямо в лице мне сияло пресветло». Скажу для замечания тебе, что от солнца в Церкви, от свечей был вид удивительный, фимиамом было накаждено, и все благоухало весьма. Доколе в комнатах сидел, все солнце сияло. Довольно посидев со мною в тайне и тайная побеседовав, спросил: есть ли еще комнаты? Я сказал: есть. Желая их посмотреть. Пошел в зал, увидел свой портрет, а о Графе сказал: я люблю сего человека: 30 лет мне друг верный. Пошел в гостиную, где сказал, что портрет Серафима очень похож, твой отец Фотий, хорошо написан; а на 3-й указуя, сказал: чей? Я сказал: Преосвященного Иннокентия Пензенского. А на Михайлов портрет указуя, сказал: добрый был Архиерей.

Я просил Его сесть, и сел Он на диване и меня посадил. Я просил Его что-либо выкушать. Он сказал: с удовольствием желаю. Спросил, много ли всей братии, сколько иеромонахов, и всех потребовал на лице в зал, дабы у всех принять благословение, и сказал: Я весьма люблю сей сан; естли кто-то особенно из них бывают люди, коими вера, Церковь и благочестие стоят. Люблю Я монастыри и Твоих монахов полюбил. Вот вскоре пришли все, Он у всех взял благословение; после Он позвал меня в мою дальнюю келью, был разговор о делах Божиих, и дело о спасении души. Указуя на дверь в комнату, коя носит имя гробовой тайной, сказал: а в эту комнату, Я слыхал, что ты никого не впускаешь, но Я бы желал посмотреть: Тогда я впустил Его внутрь и в клеть Тайную Его ввёл, где Богу молюся. По многом разговоре в 8 часов, Он сказал, что время Мне ехать. Принял благословение, опять в Церковь вошел: спросил меня, во имя кого придел? Я сказал: во имя св. праведных Анны, где помолвився; и другой, сказал

Царь, во имя кого придел? О Графине Анне А. О. Ч. спросил с большим удовольствием, когда были в монастыре. И как пошел из Св. Церкви, вслед идя, братия пели тропарь Св. Георгию — «Яко пленных свободитель». Речь была о холодной Церкви, о кельях, о гостинной; идти в Собор ко Святителю Феофиту я его отговорил; а в Монастыре, как в Церкви, так и до ворот, с ночи не было ни единого человека, кроме Графа: народ узнал уже в часу 8-м, и весь стоял на берегу. Как шел по монастырю Царь, я шел подле Его в мандии, Граф позади и братия вся позади шли в порядке и пели; за воротами на берегу принял Он благословение, приказал мне воротиться; тогда я остановился и не пошел вслед Его. Он переехал на паравод, несколько раз, открывав главу, кланялся мне с братиею, и все мы Ему. Солнце же сияло: было время тихо. Братию я поставил в порядке подле ограды у Церкви угловой смотреть, разделив от народа, ибо у пристани был народ мног. Государь, поравнявшись на параводе с братиею, открыв главу, им

поклонился и ушел внутрь. Звон тогда в монастыре и всюду был. Губернатор с полициею проснулся и, не зная, куда в городе Царь скрылся, искал Его. Лишь Царь отъехал из Монастыря, вскоре погода переменялась, и во весь день не просиявало солнце. Вот уже 6-е число, а Солнца нет вовсе, и хлад мног. Ах! Ужели Солнце наше Царь вскоре от нас сокроется, и будет время скучное без Его к нам любви**.

Всего описать я не могу, а иное — нельзя. Тако и скончаваю послание сие о посещении Царем Юрьева Монастыря.

** Он после сего 1825 года октября 3-го дня писал из Таганрога мне письмо тайно; а ноября 19-го дня скончался там.

1825 года
июля 6 дня.

